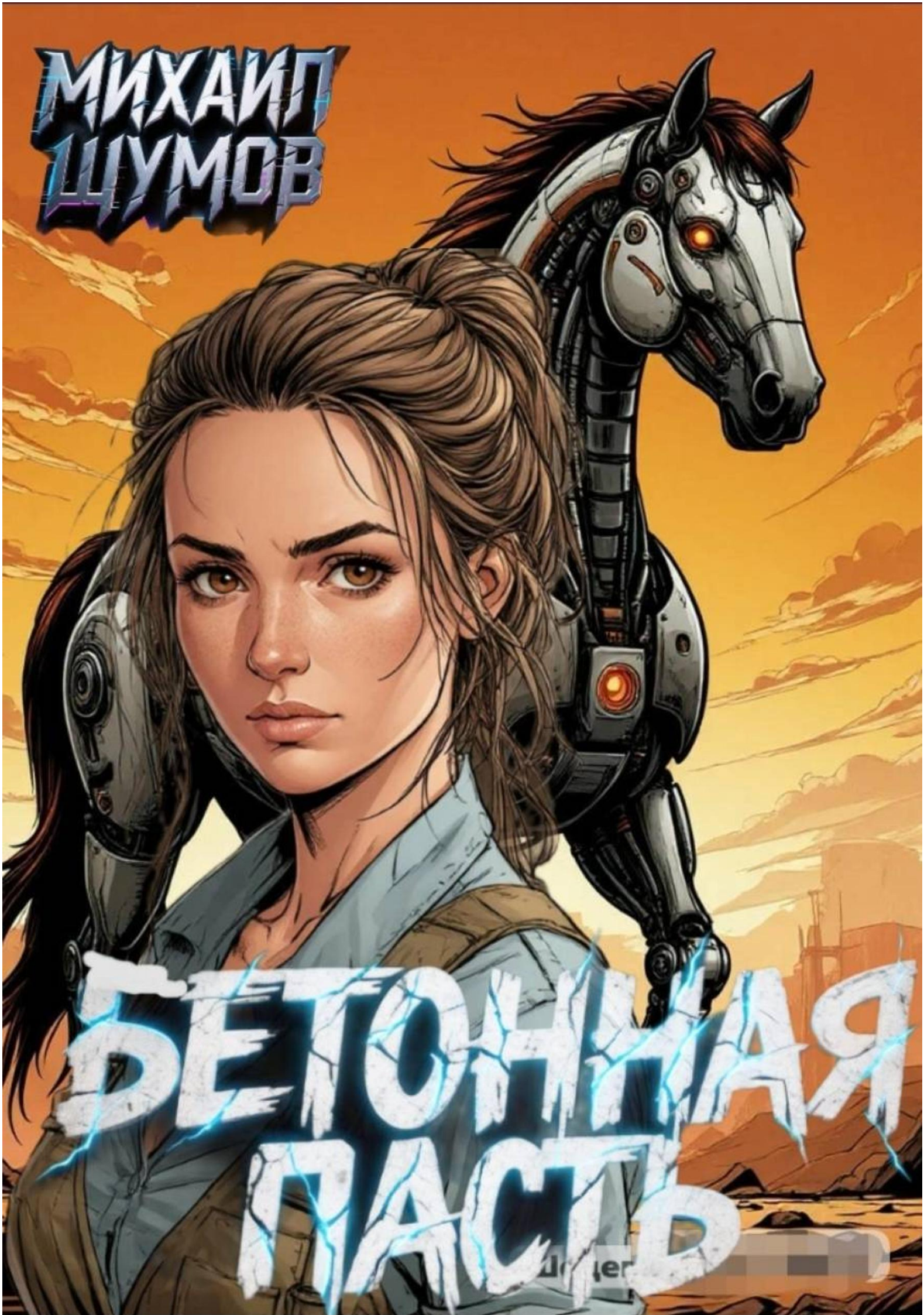

МИХАИЛ
ЩУМОВ
БЕТОННАЯ
ПАСТЬ

Михаил Шумов

Бетонная пасть

«Автор»
2026

Шумов М. Е.

Бетонная пасть / М. Е. Шумов — «Автор», 2026

Архитектор-реставратор Виктория Лебедева привыкла иметь дело с вечностью — с вековым кирпичом и выщербленной кладкой. Но когда лазерный сканер в подвале купеческой усадьбы находит вросший в гранит перстень, вечность отвечает ударом. Земля под городом вскипает, обнажая залы из оплавленного базальта, а саму Вику спасает от гибели Сивка-Бурка — кибернетический конь, прикуривающий от удлинителя и жалующийся на плохой вай-фай.Пробужденный перстнем хтонический дух города — эксцентричный миллиардер-застройщик Геннадий Юдович — больше не намерен прятаться за улыбками пресс-конференций. Он срастается с арматурой небоскребов, пьет воду из Обского моря и готовит городу «генеральную уборку»: синхронизированный удар коллайдера и сброс плотины ГЭС, который превратит Новосибирск в жидкое дно разлома.

© Шумов М. Е., 2026
© Автор, 2026

Михаил Шумов
Бетонная пасть

Глава 1. Трещина на Маркса

Ноябрь в Новосибирске — это не время года, а состояние материи. Сырая, тяжелая взвесь из мокрого снега и дорожной химии висела над Красным проспектом, превращая неоновые вывески в размытые акварельные пятна. Виктория Лебедева стояла на платформе станции «Площадь Ленина», и сквозняк из тоннеля забирался под воротник её кашемирового пальто. Часы на телефоне показывали 08:14. До начала рабочего дня оставалось шестнадцать минут, а значит, она уже катастрофически опаздывала.

Вика ненавидела утренний город. Ненавидела эту удушливую близость чужих тел в вагоне, ненавидела звук, с которым щетки снегоочистителя скребут по лобовому стеклу троллейбуса, ненавидела вечную, безнадежную пробку на Димитровском мосту, которая тянулась сизым шлейфом до самого горизонта. Она была архитектором-реставратором, человеком, который привык работать с вечностью — с вековым дубом, с выщербленным кирпичом, с геометрией, рассчитанной на столетия. А современный Новосибирск требовал суеты. Он требовал спешить, давиться растворимым кофе в пластиковом стаканчике и улыбаться заказчикам, которые называли дореволюционную кладку «старыми дранками».

Она вышла на «Гагаринской». Здесь ветер с Оби дул еще злее, неся с собой запах мазута и холодной воды. Вика подняла воротник и нырнула в арку сталинского дома, срезая путь к частной застройке, где до сих пор доживали свой век деревянные купеческие терема.

Её сегодняшний объект — усадьба купца второй гильдии Ерофеева — стоял на перекрестке улиц Советской и Трудовой. Снаружи он все еще выглядел нарядно: резные наличники, потемневший от времени сруб, высокий цоколь из серого гранита.

Но внутри уже пахло пылью, пустотой и деньгами.

У калитки её ждал микроавтобус с логотипом «ЧУДО-Девелопмент» на борту.

Огромная, добродушная на вид буква «Ю» в названии напоминала открытый рот. — Виктория Сергеевна, — к ней шагнул Илья, менеджер проекта. Молодой, в слишком дорогом для стройплощадки пуховике, с идеально уложенными волосами. — Мы вас заждались. Бригада демонтажа уже прогревает экскаватор. У нас окно на снос до вечера, иначе генподрядчик выставит неустойку.

— Доброе утро, Илья, — ровным голосом ответила Вика, протягивая ему планшет. — Доброе утро, экскаватор. Демонтаж начнется только после того, как я закончу сканирование фундамента. У нас в договоре прописано полное археологическое и структурное обследование перед любым вмешательством. Ваши рабочие не сделают ни шагу за забор, пока я не сниму георадарные карты.

Илья скривился, как от зубной боли.

— Вика, ну камон. Там три венца подгнило. Мы просто вынем этот кусок, зальем плиту, и через месяц здесь будет стильный лофт-апартамент на восемь студий. Кому нужны эти ваши карты?

— Городскому комитету по охране памятников, — отрезала она. — Который я наберу прямо сейчас, если ковш хотя бы царапнет отмостку. Отгоните технику на пять метров. Она не стала ждать ответа. Вика любила свою работу именно за эти моменты — когда можно было законно, с холодным удовольствием поставить на место людей, для которых история заканчивалась на релизе нового айфона.

Внутри дом встретил её гулкой тишиной. Пахло мышами и старой бумагой. Вика включила налобный фонарь, достала из кофра лазерный сканер — тяжелый цилиндр на массивном штативе — и начала установку. Она работала методично, обходя комнату за комнатой. Прибор

бесшумно вращался, выплевывая невидимые лучи, которые строили в её ноутбуке идеальную трехмерную модель здания. Миллиметр за миллиметром.

Закончив с первым этажом, она спустилась в подвал. Здесь запах сырости стал густым, осязаемым. Стены были выложены диким камнем, скрепленным известью, которая за сто сорок лет превратилась в камень. Вика поставила сканер на ящик из-под инструментов, включила подсветку и надела тяжелые наушники, подключенные к георадару.

Она медленно вела рамкой прибора вдоль фундамента. Экран ноутбука показывал ровную, плотную структуру земли.

— Ну же, — бормотала она себе под нос, — покажите мне свои пустоты.

Внезапно наушники взвизгнули высокочастотным треском. Картинка на экране пошла рябью.

— Электромагнитная наводка? — Вика сняла наушники. — Откуда здесь наводка, коммуникаций нет на сто метров вокруг…

Она опустилась на колени прямо на влажный земляной пол. Приложила ладонь к гранитному блоку фундамента. Камень был ледяным, но сквозь холод она почувствовала странную, едва уловимую вибрацию. Словно глубоко под землей билось огромное, тяжелое сердце.

Вика достала из нагрудного кармана перочинный нож. Это было нарушением всех мыслимых протоколов, но профессиональное любопытство всегда брало в ней верх над осторожностью. Она начала аккуратно ковырять стык между двумя гранитными плитами. Известь крошилась легко, превращаясь в серую пыль.

Щель становилась шире. Вика посветила туда фонариком. Темнота. Она просунула лезвие глубже и нащупала что-то гладкое, металлическое.

Она расширила отверстие пальцами, отгребая влажную землю. В нос ударил резкий запах озона, смешанный с ароматом полыни и чего-то неуловимо древнего, как запах грозы в степи.

В углублении лежал перстень.

Он не был похож на купеческую печатку или дворянское украшение. Широкое, потемневшее от времени серебро, казалось, впитало в себя всю черноту сибирской земли. Вместо камня или герба на печатке была выгравирована сложная, асимметричная вязь — переплетение линий, напоминающее одновременно схему речных разветвлений и кардиограмму. Металл был странно теплым на ощупь, хотя лежал в ледяной глине.

Вика попыталась поддеть его ногтем, но перстень сидел вросшим в камень так, словно рос из него.

— Что за чертовщина… — прошептала она.

Она надавила сильнее, обхватив кольцо пальцами и потянув на себя.

В ту же секунду дом содрогнулся.

Это не было похоже на взрыв или землетрясение. Это был звук, который она скорее почувствовала костями, чем услышала ушами. Низкий, утробный гул, от которого заныли зубы. Лампа налобного фонаря моргнула и погасла. Экран ноутбука вспыхнул ослепительно-белым, по стеклу пошли глубокие трещины, и из вентиляционных отверстий повалил густой, пахнущий озоном сизый дым.

Вика отшатнулась, разжимая пальцы. Пол под ней провалился.

Это не была гниль. Доски перекрытия разлетелись в мелкую щепу, словно по ним ударили невидимой кувалдой. Вика полетела вниз, в облако едкой пыли. Она ударилась плечом о что-то твердое, воздух выбило из легких.

Когда пыль начала оседать, она поняла, что лежит на дне огромной воронки. Подвал исчез. Вместо земляного пола и каменных стен вокруг неё зиял кратер диаметром метров в пять. Стены этого кратера состояли не из кирпича, а из абсолютно гладкого, оплавленного черного базальта, который тускло светился изнутри багровым светом, как остывающая лава.

Сверху, в проломе потолка, виднелась люстра гостиной и испуганное лицо Ильи, который что-то беззвучно кричал, но его голос тонул в том же утробном гуле. Вика попыталась встать. Ноги дрожали. В центре воронки, там, где она только что стояла, земля продолжала кипеть. А из этой кипящей, дышащей жаром породы медленно, с чавкающим звуком, поднимался тот самый перстень.

Он висел в воздухе, окруженный маревом. Вязь на серебре больше не была просто гравировкой — линии светились пульсирующим синим огнем.

— Виктория Сергеевна! — донесся сверху, сквозь бетон и камень, искаженный голос Ильи. — Вы живы? Что это за… сейсмика? У нас приборы с ума сошли, на карте города какая-то черная дыра!

Вика не могла оторвать взгляд от перстня. Жар от черного базальта становился невыносимым, кожа на лице уже начинала гореть.

Она сделала единственное, что мог сделать человек, падающий в бездну — она потянулась к тому, что было ближе всего.

Её пальцы сомкнулись на серебряном ободке.

Металл не обжег её. Наоборот, холод, исходящий от кольца, был абсолютным. Он мгновенно заморозил капилляры в кончиках пальцев, прокатился по кисти ледяной волной, ударил в локоть, в плечо, в основание черепа.

Гул оборвался.

Багровое свечение базальта погасло.

Воронка начала стремительно сужаться. Черный камень с сухим треском покрывался инеем, крошился и за секунды превратился в обычную серую глину.

Вика сидела на дне ямы, в мокрой грязи, прижимая к груди руку с надетым на палец перстнем. Он больше не светился. Он выглядел как обычный кусок старого, потемневшего серебра.

Сверху, в облаке бетонной крошки, спрыгнул Илья.

— Вика! Господи, я думал, метан рванул… Я звоню в МЧС, у нас тут… Он осекся, глядя на неё.

Вика медленно подняла голову. Она чувствовала себя так, словно её пропустили через мясорубку, но боли не было. Была звенящая, кристальная ясность в голове. Она посмотрела на свои руки. Ссадины на костяшках, которые она получила при падении, затягивались на глазах — не кровоточили, а просто стягивали кожу, как края тончайшего шрама.

— Не надо МЧС, Илья, — сказала она. Голос её звучал ровно, но в нем появилась новая, тяжелая вибрация, от которой у менеджера по продажам элитной недвижимости по спине пробежал мороз. — И экскаватор свой отгоните. На соседнюю улицу.

— Вика, ты… у тебя кровь… — пролепетал он, глядя на её висок.

Она стерла грязь тыльной стороной ладони. На пальцах осталась только пыль. — Я сказала, Илья. Соседнюю улицу. Живо.

Илья сглотнул, кивнул и, пятясь, полез наверх по осыпающемуся краю воронки. Вика осталась одна. Она поднесла руку к глазам. На безымянном пальце правой руки сидел серебряный перстень с вязью речных русел. Он сидел так плотно, словно стал частью её кости, и холодный синий огонек глубоко внутри камня бил в такт с её собственным, внезапно замедлившимся сердцем.

Она подняла взгляд на трещину в потолке подвала, сквозь которую падал тусклый ноябрьский свет.

Пробки на Димитровском мосту её сегодня больше не волновали.

Глава 2. Синий свет в коллекторе

Небоскреб «ЮДО-Сити» вспарывал низкое, беременное снегом небо Новосибирска, словно кусок черного вулканического стекла. Сто этажей стекла, стали и архитектурной гор-

дыни Геннадия Юдовича. Здание стояло на площади Калинина всего полгода, но уже стало главным украшением открыток, лицом города и, как шептались прорабы на задних дворах, огромной бетонной пробкой, забитой в самое сердце сибирской земли.

В 02:17 ночи на центральный пульт дежурного инженера «ЧУДО-Девелопмент» поступил сигнал.

— Подвал минус четвертого уровня, сектор «Д», — монотонно бубнил динамик. — Сработала сигнализация протечки. Датчики давления в ливневом коллекторе падают. Дежурный инженер, зевая так широко, что рисковал вывихнуть челюсть, ткнул пальцем в планшет. Минус четвертый уровень — это технический этаж, глубоко под землей, где «ЮДО-Сити» врастал своими корнями в городские коммуникации.

— Опять дренажники стык плохо проварили, — пробормотал он, натягивая куртку. — Петрович, вызывай аварийную бригаду. Пусть Леха спускается с переносной сваркой. Только скажи ему, чтобы маску нормально надел, а то на прошлой неделе ослеп на секунду, чуть в бетонную стену не въехал.

Леха, сварщик шестого разряда, человек с лицом, навсегда обожженным искрой, не любил подземелья. Он любил ясный огонь, ровный шов и понятную физику плавления.

А под площадью Калинина физика сходила с ума.

Люк, ведущий в коллектор, находился прямо посреди газона, в десяти метрах от сверкающего входа в «ЮДО-Сити». Леха проверил датчики газоанализатора — чисто.

Проверил рацию.

— База, я на точке. Начинаю спуск. Видимость нулевая, вода стоит высоко.

— Принято, Лех. Завари там дыру и выныривай. Кофе стынет.

Леха включил налобный фонарь. Желтый, дрожащий луч света выхватил из темноты бетонный желоб, по дну которого лениво текла маслянистая вода. Пахло сыростью, резиной и озоном, как после хорошей грозы.

— Странно, — пробормотал Леха, опуская ногу в воду. — Озоном так несет, будто тут трансформаторная рванула.

Он сделал шаг. Второй. Луч фонаря скользнул по стене коллектора.

Бетон там, где он должен был быть серым и шершавым, выглядел странно. Он блестел.

Леха подошел ближе, наклонился. Провел рукой в толстой перчатке по поверхности. Стена была не просто мокрой. Она была живой. Влага на ней собиралась в капли, которые пульсировали, словно дышали.

— База, — голос в рации дрогнул. — Тут стена… она какая-то не такая. Она… плачет. — Леха, хорош паниковать. Это конденсат. Заваривай и наверх.

Сварщик пожал плечами. Он привык доверять своим глазам, но инструкции были важнее. Он раскатал кабель горелки, выставил ток и поднес электрод к стыку трубы, из которой била тонкая, но напористая струя.

Искра вспыхнула.

Вместо привычного синевато-белого жара дуги, Леху ослепил густой, инфернально-синий свет. Он исходил не от сварочной маски. Он исходил из трещины. Бетон вокруг пробоины начал плавиться. Не гореть, не крошиться, а именно плавиться, превращаясь в черную, вязкую смолу, которая медленно, с тягучим звуком, потянулась к огню горелки.

— База! — заорал Леха, отшатываясь. — База, тут…

Синяя вспышка ударила из трубы, как лазерный луч. Она прошила брезентовую робу на груди сварщика, не оставив ожога, но Леха замер, выронив горелку. Вода вокруг его ботинок мгновенно вскипела, превращаясь в пар. Его глаза, видевшие сотни километров сварных швов, расширились от первобытного, животного ужаса. Он смотрел не на трубу. Он смотрел сквозь нее.

Из темноты на него надвинулось лицо.

Оно не было человеческим. Оно формировалось прямо из бетонной стены, выдавливая из себя арматуру, как детские кости. Сначала появился широкий, плоский нос. Затем — лоснящаяся черная кожа, блестящая от подземной слизи. И только потом — рот.

Рот распахнулся с влажным, чавкающим звуком.

У людей зубы растут из десен. У того, что смотрело на Леху, зубы росли прямо из бетона. Три неровных, зазубренных ряда желтых клыков, перемежающихся осколками арматуры и битого стекла, расходились концентрическими кругами в глубине пульсирующей глотки. Это была не пасть хищника. Это был карьерный рот, созданный перемалывать породу.

Леха открыл рот, чтобы закричать, но издать успел только тихий, булькающий хрип. Бетонная пасть выдохнула. Это был не огонь. Это был столб спрессованного, раскаленного строительного мусора, смешанного с черной желчью. Ударная волна швырнула сварщика о противоположную стену. Его тело сложилось под неестественным углом, тяжелый сварочный аппарат вдавило в грудную клетку, ломая ребра в порошок. Последнее, что зафиксировал его умирающий мозг — как стена за его спиной начала затягиваться, поглощая брызги крови и куски робы, становясь снова идеально ровной и сухой.

На поверхности, в теплой кабине дежурного внедорожника, Геннадий Юдович Чудо поправил галстук.

Он не выглядел как древнее хтоническое зло. Он выглядел как человек, который продал вам эту кабину в кредит. Дорогой костюм-тройка цвета «мокрый асфальт» сидел на нем безупречно, седые виски были аккуратно подстрижены, а на губах играла дежурная, располагающая улыбка топ-менеджера.

Рядом суетились его заместители с папками.

— Геннадий Юдович, датчики сошли с ума. Давление в западной ветке упало до нуля, а температура… там плюс триста, но огня нет! Леха не отвечает!

— Спокойствие, Игорь, только спокойствие, — Чудо говорил тихо, бархатно, и этот тон действовал на подчиненных сильнее любого приказа. — У нас просто небольшая техническая неувязка. Праздник открытия через три дня. Губернатор будет перерезать ленточку. Вы хотите, чтобы губернатор увидел лужу на минус четвертом?

Он открыл дверь машины и вышел под мокрый снег. Ноги в начищенных оксфордах ступили в грязь газона.

— Где пресса? — спросил он, не оборачиваясь.

— Через пять минут подъедет «Вестник-Сибирь» и канал «Город 24», — отрапортовал Игорь, вытирая испарину со лба.

— Отлично. Игорь, накиньте на люк коврик. И вызовите вторую бригаду. Пусть работают быстро, пока журналисты снимают фасад. Нам нужен позитивный инфоповод.

Чудо подошел к оцеплению. Полицейские, выставленные для охраны периметра, вытянулись по струнке, хотя понятия не имели, кто этот человек — они знали только, что от него пахнет деньгами и чем-то неуловимо опасным, как озон перед ударом молнии.

Подошли журналисты. Вспыхнули софиты.

— Геннадий Юдович! — микрофон с логотипом канала ткнулся ему в лицо. — Что произошло под площадью? Есть слухи о взрыве метана и пропаже рабочего! Чудо улыбнулся в камеру. Его глаза, обычно бледно-серые, в свете софитов на мгновение полыхнули густой, стоячей водой.

— Доброй ночи, дорогие новосибирцы, — его голос потек в микрофоны, заполняя эфир теплом и уверенностью. — Никакого взрыва. Наш новый «ЮДО-Сити» — это самое технологичное здание в России. Иногда технологии шутят. Один из датчиков ливневой канализации дал ложный вызов. Бригада спустилась проверить.

Он сделал паузу, обводя взглядом камеры.

— К сожалению, молодой специалист… Алексей, кажется… немного переоценил свои силы. Он оступился на скользкой лестнице и повредил ногу. Сейчас наш корпоративный врач оказывает ему помощь прямо в холле небоскреба. Не волнуйтесь, он отделался легким испугом.

Чудо повернулся к небоскребу и картинно положил руку на холодный мрамор цоколя. — Что касается протечки… — он чуть понизил голос, доверительно наклонившись к микрофону. — Мы строим на века. Но мы строим на живой земле. Сибирь дышит, она подвижна. Иногда она напоминает нам о своем характере. Это не проблема. Это диалог. Я лично проконтролирую, чтобы каждый шов в этом коллекторе был проверен трижды. Мы усилим контроль качества. «ЧУДО-Девелопмент» не строит просто дома. Мы строим доверие. А теперь прошу прощения, мне нужно навестить нашего пострадавшего героя.

Он развернулся, оставив журналистов ослепленными его харизмой.

Игорь семенил рядом, пока они шли к служебному входу.

— Геннадий Юдович, сварщик… Леха… там внизу… от него даже ботинок не осталось. И коллектор… он схлопнулся. Сам по себе! Бетон зарос!

— Игорь, — Чудо остановился. Его улыбка не дрогнула, но воздух вокруг него стал ледяным. — Вы меня разочаровываете. Я только что подарил городу сказку. Герой жив, здание стоит, земля стабильна. А вы мне рассказываете страшилки про бетон.

Он наклонился к самому уху заместителя.

— Спуститесь туда сами. Возьмите отбойный молоток. Если найдете там хоть палец этого Лехи — принесите мне. Я сделаю из него пресс-папье. А если там пусто, как я и говорю, то завтра вы лично зальете этот сектор бетоном марки М-800. И чтобы к утру коллектор был монолитным. Вы меня поняли?

— Да, Геннадий Юдович, — прошептал Игорь, чувствуя, как по позвоночнику течет холодный пот.

Чудо выпрямился. Его лицо снова стало маской заботливого мецената. Он вошел в теплое нутро «ЮДО-Сити», где его уже ждал поднос с горячим травяным чаем. Оставшись один в темноте технического коридора, он позволил улыбке измениться. Кожа на его лице натянулась слишком сильно. Уголки губ поехали к ушам, разрывая плоть. Пиджак затрещал по швам на стремительно расширяющейся грудной клетке. Геннадий Юдович запрокинул голову, и из его горла вырвался не крик, а звук осыпающейся в бездну породы.

Его глаза потухли, превратившись в два тусклых фонаря, освещающих три ряда бетонных зубов, которые теперь занимали половину его лица. Он с наслаждением клацнул челюстями. Звук был похож на столкновение двух скоростных поездов. На языке, состоящем из мелкого гравия и химикатов, он все еще чувствовал привкус озона, страха и сварочной дуги.

Леха оказался на удивление жестким. Пришлось выплюнуть куски арматуры. — Контроль качества, — пророкотал Чудо-юдо своим истинным, подземным голосом, от которого с потолка посыпалась штукатурка. — Я всегда держу слово. Он втянул воздух ноздрями. Где-то на другом конце города, в старом деревянном доме, только что проснулась сила, пахнущая грозой, полынью и чистым серебром.

Улыбка Чуда-юда стала шире, окончательно разрывая кожу на его щеках.

— Ну здравствуй, архитектор, — прошипел он в темноту коридора. — Я чувствую твой перстень. Ты построила мне отличный фундамент.

Глава 3. Вещий каурка

Квартира Виктории на девятнадцатом этаже новостройки в районе Бугринской рощи была спроектирована по принципу «эффективного использования пространства», что на языке застройщиков означало: «тесно, как в гробу, но зато панорамное окно». Единственное окно, выходящее на реку, занимало почти всю стену. Сейчас, в третьем часу ночи, за толстым стек-

лом бушевала метель. Снег летел горизонтально, оседая белыми шапками на фермах Бугринского моста. Красные и белые огни фар текли по нему двумя дрожащими реками.

Вика сбросила тяжелые ботинки прямо в прихожей. Ноги гудели. После того, что случилось в усадьбе Ерофеева, тело требовало сна, но разум отказывался отключаться. Она прошла на кухню, налила себе остывшего чая и села на барный стул, глядя на мост.

Перстень на правой руке пульсировал ровным, едва заметным теплом. В подвале он казался ледяным, а теперь, в сухом тепле квартиры, вел себя как живой организм — успокаивал, убаюкивал, глушил адреналиновый шум в ушах. Вика покрутила его. Вязь на серебре в темноте казалась просто красивым, хоть и архаичным узором.

Она попыталась снять его.

Кольцо не поддавалось. Оно не было зажато, оно просто стало частью её. Попытка стянуть его с пальца отозвалась в костях тупой, ноющей болью, словно она пыталась выдернуть здоровый зуб.

— Чертовщина, — выдохнула Вика, отставляя кружку.

Она встала и подошла к зеркалу в коридоре. На ней все еще был рабочий комбинезон, перепачканный глиной. Она выглядела как бомж, который нашел на свалке серебряную печатку. Вика подняла руку, чтобы рассмотреть перстень в отражении. В тот момент, когда её взгляд сфокусировался на синем камне в центре вязи, мир моргнул.

Это не было похоже на вспышку. Это было похоже на то, как если бы кто-то выключил рубильник во всем районе.

Сначала исчез звук. Гул метели за окном, шум машин на мосту, тиканье часов — все обрезало одним движением гигантских ножниц. Наступила абсолютная, звенящая тишина.

Затем погас свет.

Лампы дневного света на потолке не просто выключились — они взорвались. Вика почувствовала, как по её волосам прошел сухой разряд статики, а в воздухе запахло озоном — тем самым, густым, подземным запахом из коллектора «ЮДО-Сити».

В наступившей темноте синий камень в перстне вспыхнул.

Это был не свет фонарика. Это был концентрированный ультрамарин, густой, как чернила осьминога. Сияние вырвалось из камня, прошло сквозь её ладонь, ударило в зеркало, разнеся его вдребезги, и ударилось о стену, выходящую на кладовку. По стене пошла рябь. Штукатурка вздулась пузырем, треснула, и из пролома ударил столб того же синего света.

Вика отшатнулась, закрывая лицо рукой.

— Какого дьявола… — начала она, но осеклась.

Звук вернулся. Но это не был звук лопнувшей лампочки.

Из кладовки донеслось фырканье. Громкое, влажное, вибрирующее, от которого задрожали стекла в книжном стеллаже. А затем — звук, который невозможно было спутать ни с чем.

Ржание.

Мощное, раскатистое, полное такого первобытного презрения к законам физики и планировкам студий, что у Вики волосы на затылке встали дыбом.

— Что за… — прошептала она, медленно пятясь в сторону кухни, где в ящике лежал тяжелый стальной молоток для отбивания мяса.

Ржание повторилось, но теперь в нем прорезался металлический скрежет, словно кто-то провел напильником по рельсу.

Вика схватила молоток. Он был холодным и очень реальным. Она сделала глубокий вдох, шагнула к двери кладовки и ударила по ней открытой ладонью.

— Эй! Кто там? У меня перфоратор под рукой, я не шучу!

Дверь кладовки — дешевая фанера из «Леруа Мерлен» — слетела с петель, словно по ней ударили тараном, и с грохотом впечаталась в противоположную стену, едва не разбив плазменный телевизор.

Внутри кладовки, где должны были лежать стремянка, пылесос, коробки с зимней обувью и старый тостер, было пусто. Почти.

Посреди крошечного помещения, занимая его целиком, стоял конь.

Он был черным. Не просто темным, а цвета воронова крыла, поглощающим свет. Но это был не живой конь. Приглядевшись в полумраке, освещенном только синим сиянием из её руки, Вика поняла, что перед ней машина.

Титановый скелет, обтянутый не кожей, а матовым карбоном. Из суставов торчали пучки проводов в тефлоновой оплетке. Грива состояла из оптоволоконных нитей, которые слабо светились тем же ультрамариновым светом. Вместо хвоста — толстый жгут высоковольтных кабелей, который сейчас нервно бил по полу, оставляя на ламинате подпалины.

Но самым жутким и одновременно нелепым было то, что от шеи этого чудовищного создания тянулся толстый, старый оранжевый удлинитель. Вилка удлинителя была включена в розетку за коробкой со старыми кедами.

Конь повернул голову. У него не было глаз в привычном понимании. На их месте светились два прямоугольных дисплея, на которых бегущей строкой шли строки двоичного кода, прерываемые странными символами, похожими на те, что были на перстне.

— Наконец-то, — сказал конь.

Голос шел не из пасти. Он транслировался прямо в мозг Вики, но при этом акустические колонки, встроенные по бокам морды, тоже издали звук — чистый, бархатный баритон с легкой, почти аристократической хрипотцой.

— Я думал, ты никогда не проснешься. У меня от этой розетки уже копыта сводит.

Напряжение скачет, как пьяный электрик.

Вика стояла с молотком в руке. Её мозг, натренированный просчитывать нагрузки на несущие балки, сейчас отказывался работать. Она видела перед собой невозможное.

— Ты… ты из кладовки, — глупо констатировала она.

— Я из Карачарово, если тебе это о чем-то говорит, — фыркнул конь, выпустив из ноздрей облачко пара, пахнущего озоном и жженой резиной. — Но последние триста лет я провел в разобранном состоянии в очень пыльном месте. Ты могла бы и пропылесосить, прежде чем меня вызывать.

— Я тебя не вызывала, — Вика крепче сжала молоток. — Я просто надела кольцо.

— «Просто надела», — передразнил конь. Его оптоволоконная грива вспыхнула ярче. — Ты активировала протокол «Витязь». Знаешь, сколько энергии жрет полная боевая трансформация? Я думал, у меня предохранители выгорят. Смотри.

Он мотнул головой в сторону. Вика только сейчас заметила, что встроенный в его бок USB-порт оплавился, а из него тонкой струйкой вился сизый дымок.

— Ты перегрузила контур, — конь цокнул по ламинату титановым копытом. Звук был тяжелым, гулким, как удар кувалдой. — Хорошо, что я успел перейти в режим ожидания. Если бы я материализовался в полный рост в твоей… хм… квартире, мы бы сейчас разговаривали с ангелами. Или с судебными приставами, смотря кто быстрее приедет на звук рухнувшего дома.

Вика опустила молоток. Паника медленно отступала, сменяясь звенящим, иррациональным любопытством.

— Ты… Сивка-Бурка?

Конь на секунду замер. Дисплеи на его морде моргнули, и код сменился на надпись:

«ОБРАБОТКА ЗАПРОСА… ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОДТВЕРЖДЕНА».

— Для друзей — просто Бурка, — он попытался изящно поклониться, но запутался в удлинителе, дернул головой, и вилка с треском вылетела из розетки.

Свет в квартире моргнул и включился. Лампы дневного света, которые должны были быть разбиты, загорились ровным, здоровым светом. Зеркало в коридоре снова было целым, хотя по краю рамы шла тонкая, как волос, черная трещина.

Синий свет из перстня погас. Камень снова стал тусклым.

Бурка тяжело вздохнул. Без питания от розетки он выглядел уставшим. Его карбоновые бока опали, оптоволокно потускнело.

— Батарея на нуле, — пожаловался он, ковыляя на своих механических ногах из кладовки в комнату. — Придется ночевать у тебя. Надеюсь, ты не против нежданных гостей? И, ради протокола, если ты решишь сдать меня на металлолом, учти: я титановый, с примесью метеоритного железа. Пережую твой лом и не замечу.

Он попытался перешагнуть порог комнаты, но зацепился кабелем за косяк. — Чертов хрущевский стандарт, — выругался он, пытаясь освободить ногу. — Кто строит такие узкие двери? Ни один приличный конь в этот век не влезет.

Вика прислонилась к стене. Она посмотрела на свой перстень, потом на коня, который ругал советские ГОСТы, стоя посреди её гостиной и капая на пол машинным маслом. — Почему удлинитель? — спросила она. — У тебя же внутри ядерный синтез или что-то такое?

Бурка наконец освободился. Он доковылял до панорамного окна и с явным облегчением опустил свою тяжелую металлическую голову на подоконник.

— Ядерный синтез требует охлаждения, — буркнул он, глядя на метель за окном. — А у тебя тут вид красивый, успокаивает. Удлинитель — это маскировка. Ты же не хотела, чтобы твой новый сосед, этот хлыщ с пятого этажа, увидел в глазок, как из твоей квартиры выводят под уздцы боевого голема? Сказала бы: «Это новый велотренажер, очень дорогой».

Он повернул морду к Вике. Дисплеи сфокусировались на ней.

— Слушай, хозяйка. Меня зовут Сивка-Бурка, вещий каурка. Я — твой транспорт, твой щит и, если совсем припрет, твоя артиллерийская поддержка. Но есть три правила. Первое: я не ем овес, я жру электричество. Если будешь забывать втыкать меня в розетку, я превращусь в очень дорогую и бесполезную скульптуру. Второе: не называй меня «пони». Я древнее, чем мерзлота под твоим городом.

Он сделал паузу, и на его дисплеях появилось скорбное выражение. — И третье… — он кивнул на свой бок, где рядом с оплавленным USB-портом виднелась маленькая антенна. — У вас тут вай-фай просто отвратительный. Стены железобетонные, сигнал не пробивает. Я полдня пытался подключиться к городской сети, чтобы скачать карты коллекторов. Пришлось лезть в провод через щиток в подъезде. Твой провайдер — это преступление против кибернетики. Смени его завтра, а то я буду ходить в туалет по проводам, это унизительно.

Вика закрыла лицо руками. Она начала тихо, истерически смеяться. Это был смех человека, у которого полностью снесло крышу, но который внезапно обнаружил, что под ногами вместо пустоты появилась твердая, хоть и совершенно безумная почва. — Хорошо, — выдохнула она, отсмеявшись. — Завтра сменю провайдера. Как мне тебя… парковать?

Бурка фыркнул.

— В кладовку. И подмети там, ради бога. У меня от пыли контакты окисляются. Он шагнул обратно в тесное помещение. Процесс трансформации выглядел не как вспышка, а как сложная, отлаженная инженерная сборка. Ноги сложились, втягиваясь в корпус. Шея укоротилась. Оптоволокно свернулось в тугой жгут. Через десять секунд посреди кладовки стоял обычный, хотя и очень массивный, черный электробайк.

Матовый, хищный, с рулем, обмотанным синей изолентой.

Только на боку, там, где у обычных мотоциклов наклейка с названием бренда, слабо светились древние руны.

Вика подошла, щелкнула кнопкой на раме. На приборной панели зажглась зеленая пиктограмма батареи: 100%.

— Спокойной ночи, Вещий, — сказала она в пустоту кладовки.

Из выхлопной трубы донеслось сонное, механическое:

— Сам такой… архитектор.

Виктория закрыла дверь кладовки, задвинула её коробкой с зимней обувью и пошла в спальню. Она легла на кровать, не раздеваясь. За окном продолжал выть ветер, раскачивая фермы Бугринского моста.

На её пальце тускло поблескивало серебряное кольцо.

Завтра нужно было на работу. Нужно было объяснять Илье, почему лазерный сканер сгорел, а в фундаменте усадьбы Ерофеева образовалась идеально круглая дыра из оплавленного базальта.

Но это все было завтра.

А сегодня у неё в кладовке стоял конь, который жаловался на интернет. И почему-то это казалось самой нормальной вещью на свете.

Глава 4. Голос Матери-Сибири

Сон Виктории был коротким и хрупким, как первый лед на Оби. В нем Бугринский мост рушился, складываясь пополам, а Сивка-Бурка, стоя на краю пропасти, требовал логин и пароль от роутера.

Она проснулась в 03:41 от того, что в квартире стало неестественно тихо.

Метель за окном продолжала выть, но привычный гул ночного города — далекий рев моторов на мосту, гудки локомотивов с левого берега, вибрация перекрытий от проходящей по метромосту дрезины — исчез. Остался только свист ветра и странный, скрежещущий звук, похожий на то, как если бы по асфальту тащили огромный лист ржавого железа.

Вика села на кровати. Холодный пот выступил на спине. Она посмотрела на перстень. Камень внутри него не светился, но пульсировал так часто, что серебро казалось раскаленным.

— Бурка, — хрипло позвала она.

Ответа не последовало. Вика вскочила, бросилась к двери кладовки и распахнула её.

Электробайк стоял на месте, но его дисплей горел кроваво-красным.

[ТРЕВОГА. ПРОНИКНОВЕНИЕ В СЕТЬ НИИ]

[ОБНАРУЖЕНО ПРИСУТСТВИЕ ХАОТИЧЕСКОГО КОДА]

[ИСТОЧНИК: ПОДЗЕМНЫЕ КОММУНИКАЦИИ. РАССТОЯНИЕ: 400 МЕТРОВ] — Они знают, где мы, — прошелестел механический голос Бурки из динамиков. — Юдович не дурак. Он понял, что перстень проснулся. Он ищет чертежи.

— Какие чертежи? — Вика натягивала джинсы трясущимися руками.

— Геоподоснова. Тектонические разломы. Карта пустот под городом. Он ищет места, где земля слабее всего. Если он ударит туда… Договорить он не успел.

Раздался звон бьющегося стекла. Но звук шел не с улицы. Он шел из гостиной. Вика выхватила из шкафа тяжелую бейсбольную биту — единственное, что могло сойти за оружие, — и вжалась в стену коридора. Из темноты гостиной в прихожую шагнула фигура.

Это не был человек. Это был ком. Существо, собранное из того, что сибирская зима выбрасывает на обочины: слежавшийся, черный от копоти снег, куски разбитого асфальта, обрывки арматуры, торчащие из ледяной плоти, и пустые пластиковые бутылки, вросшие в плечи, как гнилые зубы. От фигуры несло холодом склепа и канализацией.

Грязевик.

Он повернул голову, которая представляла собой просто нарост из смерзшейся земли. В провале, где должны были быть глаза, вспыхнули две синие искры — такие же, как в коллекторе под «ЮДО-Сити».

Существо издало звук — низкий, булькающий рык, — и шагнуло к двери в спальню, за которой находился рабочий стол Виктории. На столе стоял закрытый сейф с цифровым замком. Внутри лежали планшеты с результатами лазерного сканирования усадьбы Ерофеева.

— Бурка, протокол «Витязь»! — крикнула Вика, перехватывая биту.

Она не знала, как это работает. Она просто очень, очень сильно захотела, чтобы на ней оказалась та броня из её видения в подвале.

Перстень ответил мгновенно.

Боль была ослепительной. Серебряный металл впился в кость, словно раскаленные клещи. Холод, который она почувствовала в первую ночь, вернулся, но теперь он не был приятным — он вымораживал мышцы изнутри.

Синий свет вырвался из камня, но не рассеялся по комнате, а собрался вокруг её тела. Офисная футболка с логотипом НИИ «Наследие Сибири» с сухим треском лопнула, распавшись на тысячи серебристых чешуек. Джинсы превратились в пыль. Вика закричала, но звук застрял в горле.

Свет сгустился, формируя композитные пластины. На плечах выросли наплечники, стилизованные под кедровую шишку, но твердые, как танковая броня. На груди проступил герб Новосибирска, отлитый из синего, светящегося металла. Ноги и руки покрылись чешуей, напоминающей рыбью, но с острыми, как бритва, кромками. Шлем не закрыл лицо полностью — он сформировал тактическую маску, оставляя подбородок и глаза открытыми, но защищая виски и шею.

Трансформация заняла три секунды.

Вика выдохнула. Изо рта вырвалось облачко морозного пара. Воздух в прихожей мгновенно остыл до минус десяти.

Грязевик, услышав треск, обернулся.

Виктория не стала ждать. Она не знала, как драться в этой броне. Инстинкты взяли свое. Она не была воином, она была инженером. Она шагнула вперед и ударила тварь плечом.

Удар был подобен столкновению с «КамАЗом». Грязевик, весивший, наверное, полтонны, отлетел к стене, сминая металлический шкаф для обуви. Синий свет брони на мгновение вспыхнул ярче, поглощая кинетическую энергию.

— Неплохо, — одобрительно прохрипел Бурка из кладовки. — Только не бей их битой, ты сломаешь биту! Используй голос!

— Какой голос?! — рявкнула Вика, бросаясь на существо, которое начало подниматься, стряхивая с себя куски штукатурки.

Второй грязевик проломил окно в гостиной и теперь, хрустя стеклом, пер на неё. Вика увернулась от удара арматурной лапы. Тварь задела косяк, и в стене образовалась глубокая вмятина.

— Бурка, инструкции! Как его убить?!

— У них нет сердца! — орал байк. — Они — это земля! Заставь землю их забрать! — Что?! — Вика отскочила в сторону, уворачиваясь от второго миньона. Она оказалась зажата между ними. Твари наступали, медленно, неотвратимо, их тела оставляли на паркете следы черной, зловонной жижи.

Первый грязевик бросился на неё. Виктория выставила руки вперед — не для удара, а в жесте инстинктивной защиты, в том самом жесте, которым она обычно останавливала нерадивых рабочих на стройплощадке.

— СТОЯТЬ! — рявкнула она.

Она не хотела колдовать. Она просто хотела, чтобы эта мерзость перестала ломать её дом.

И дом её послушался.

Воздух в квартире загудел. Это был не звук, а вибрация, от которой заныли зубы.

Синий свет брони Виктории перетек с её плеч на пол.

Ламинат в прихожей треснул. Паркет в гостиной вздыбился. Старый, дореволюционный кирпич, из которого был сложен фундамент этого дома — фундамент, который помнил еще деревянную Никольскую слободу, — отозвался на зов.

Пол под грязевиками провалился.

Но это не была дыра. Это был рост.

Из черного ламината вырвались корни — не древесные, а каменные. Старые, пережженные кирпичи НИИ «Наследие Сибири», которые Вика чувствовала под своими ногами, словно живые, поползли вверх. Они сплетались в узловатые, могучие руки, покрытые мхом и плесенью времени.

Стены квартиры начали выгибаться внутрь.

Первый грязевик взвизгнул — звук был похож на скрежет пенопласта по стеклу — когда старинная кирпичная кладка сомкнулась на его плечах. Кирпичи росли, выдавливая из твари синюю слизь. Они не просто схватили его, они *впитывали* его, перемалывая строительный мусор и снег обратно в монолит.

Второй миньон прыгнул, пытаясь достать Вику в воздухе.

Вика не двигалась. Она стояла в центре прихожей, её глаза светились тем же синим огнем, что и перстень. Она подняла руку.

— Назад, — прошептала она.

Потолок просел. Массивная потолочная балка, державшаяся на честном слове советских строителей, с грохотом рухнула вниз, но не упала плашмя. Она изогнулась, как хлыст, и ударила грязевика, прибивая его к полу, где его уже ждала жадная, раскрывшаяся пасть старинного паркета.

За окном, на улице, раздался вой сигнализации — это осел на один угол фасад НИИ. Фундамент здания, потревоженный волей Виктории, начал стремительно, на глазах, врастать вглубь, увлекая за собой тварей.

Вика чувствовала каждый кирпич. Она чувствовала, как бетонные сваи института, словно гигантские зубы, смыкаются в черной глубине, перемалывая плоть миньонов.

А потом всё прекратилось.

Гул стих.

В квартире снова стало тихо. Только с потолка сыпалась пыль, да в гостиной зияла дыра, сквозь которую виднелись перекошенные перила соседа снизу.

Вика моргнула. Синий свет погас.

Она посмотрела на свои руки. Броня исчезла. На ней снова была рваная футболка и джинсы. Она стояла босиком на ледяном полу.

Перстень на пальце был тусклым, но вибрировал так сильно, что кисть онемела.

— Вика? — голос Бурки был испуганным. — Ты цела?

Она попыталась ответить.

Из горла не вырвалось ни звука.

Она открыла рот шире. Попробовала вдохнуть. В легких была пустота. Попытка издать хоть какой-то писк закончилась оглушительным приступом кашля.

Виктория схватилась за горло. Кожа под пальцами горела.

— Эффект перенапряжения, — констатировал Бурка, выезжая из кладовки. Его дисплей показывал графики. — Ты задействовала «Голос Матери-Сибири». Ты не просто крикнула. Ты отдала приказ тектоническому пласту. Ты заставила город вспомнить, что он был глинобитной крепостью. Нервные узлы перегрелись. Голосовые связки… в общем, помолчи.

Вика сползла по стене на пол. Ноги больше не держали.

В ушах нарастал звон, который быстро превратился в тупой, чугунный молот, бьющий по затылку. Мигрень, обещанная в конце второй главы, пришла с точностью курьерского поезда. Каждый удар сердца отдавался в висках вспышкой боли.

Она закрыла глаза, прислонив затылок к холодной стене.

Сквозь пелену боли она видела, как Бурка подъезжает ближе. Его оптоволоконная грива тускло мерцала.

— Жаль, вай-фай так и не работает, — грустно сказал он. — Я бы загуглил, что делать, если твой пилот внезапно стал богом архитектуры.

Вика хотела пнуть его, но смогла только слабо махнуть рукой.

За окном снова завыла сирена. Но теперь это были не сигнализации машин. К их дому, перекрывая улицу, с тяжелым гулом подъезжали машины МЧС. Где-то вдалеке уже стрекотал вертолет.

Кто-то из соседей, разбуженный ростом кирпичных стен, вызвал спасателей.

— У нас гости, — проскрипел Бурка. — И они не принесут пирог.

Виктория с трудом подняла голову. Мир плыл перед глазами. Она посмотрела на дыру в полу, на искореженный фасад НИИ, видневшийся в проломе стены, на свои руки, которые только что держали на весу фундамент целого здания.

Она потеряла голос. Но она все еще могла сжимать кулаки.

— Через кладовку, — прохрипела она, и из горла вырвался лишь тихий свист, но Бурка её понял.

Конь-трансформер кивнул.

— Держись за седло, архитектор. Езда с мигренью — мой любимый вид спорта. Вика обхватила руками его титановую шею. Мир качнулся. Байк рванул с места, выбивая остатки входной двери, и вылетел на лестничную клетку, унося её вниз, в лабиринты ночного Новосибирска, пока люди в форме МЧС только начинали оцеплять квартал.

Глава 5. Планерка с чудовищами

Рассвет над Новосибирском был цвета застывшей гематомы — багровый, болезненный и липкий. Виктория ненавидела рассветы. Особенно такие, которые встречала не в своей кровати, а скорчившись в неудобной позе за трансформаторной будкой на окраине частного сектора в Первомайском районе.

От ледяной росы, оседающей на титановый бок Сивки-Бурки, шел пар. Сам байк стоял, прислонившись к забору, и раздраженно мигал индикатором заряда батареи.

[ОСТАТОК: 14%]

[ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: РЕЖИМ ЭКОНОМИИ]

[КОММЕНТАРИЙ: ЕСЛИ ТЫ ЕЩЕ РАЗ ЗАСТАВИШЬ МЕНЯ НОЧЕВАТЬ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ, Я САМ СЕБЯ СДАМ В МЕТАЛЛОЛОМ. ЗДЕСЬ СКВОЗНЯК.]

Вика сидела на корточках, обхватив колени руками. Шерстяное пальто, которое она успела накинуть перед побегом, совсем не грело. Оно пахло дымом, кирпичной пылью и чужими страхами.

Её тело представляло собой карту боли. Мигрень, ударившая после использования «Голоса», не ушла — она просто затаилась за глазными яблоками, превратившись в тяжелого, пульсирующего слизня. Каждый раз, когда мимо по разбитой дороге проезжала машина, вибрация отдавалась в черепе ударом молота.

Но хуже всего было горло.

Она попыталась сглотнуть. Ощущение было таким, словно она проглотила раскаленный уголь, завернутый в наждачную бумагу. Вчера она сорвала голос не просто криком — она проревела приказ самой Сибири. И теперь Мать-Сибирь взимала плату. Из звуков Вика могла издавать только тихий, сиплый свист и болезненный хрип.

— Температура воздуха плюс два градуса, — нарушил утреннюю тишину Сивка-Бурка.

Его голос из динамиков звучал так, будто у него самого было тяжелое похмелье. — Влажность девяносто процентов. Мой карбоновый корпус покроется плесенью раньше, чем мы доедем до офиса. Вика, у меня сенсоры сводит. Поехали уже.

— Хр-р-р, — ответила Вика, пытаясь сказать «Сейчас».

— Я расшифровал это как «Заткнись, консервная банка», — констатировал Бурка. — Хорошо. Но учти, на остатках заряда я поеду медленно. И печку не включу. Они выбрались из частного сектора к 08:45. Утренний город встретил их обычными пробками. Для Новосибирска утро пятницы было состоянием перманентного удушья. Сивка-Бурка, снова принявший облик

неприметного черного электробайка с корзинкой, вклинивался между рычащими джипами и грязными пазиками. Вика сидела на пассажирском месте — точнее, на специальном магнитном захвате, который Бурка выдвинул из рамы, чтобы она не свалилась.

Они ехали по Красному проспекту в сторону площади Ленина.

— Куда мы? — прохрипела Вика, когда они в очередной раз встали перед площадью Свердлова. Звук вышел похожим на скрежет ржавого гвоздя по стеклу.

— В НИИ, куда же еще, — фыркнул Бурка, пропуская под колесами глубокую лужу. — Твоя начальница, эта гранитная женщина Маргарита Степановна, обрывает мой резервный канал связи. Она думает, что ты пошла на свидание и попала под трамвай, потому что твой телефон остался в прихожей, погребенный под рухнувшей стеной. Если мы не появимся через полчаса, она заявит тебя в розыск. Тебе нужны люди в форме, задающие вопросы про кирпичи?

Вика закрыла глаза. Люди в форме. И не только в форме МЧС. Вчера, пока Бурка тащил её дворами, она успела заметить черные микроавтобусы без номеров, которые блокировали подъезды к НИИ. Люди, которые там работали, не спасали пострадавших.

Они оцепляли периметр.

— Нам нужно забрать данные, — просипела она. — Планшеты. Сейф.

— Сейф весит триста килограмм, — напомнил Бурка. — Я не лошадь, я транспортное средство. Мы заберем то, что в облаке. Если Маргарита Степановна еще не стерла его, испугавшись ответственности.

Они добрались до здания НИИ «Наследие Сибири» к девяти утра.

То, что они увидели, заставило даже ворчливого Бурку замолчать на целых три секунды.

НИИ находился в квартале от усадьбы Ерофеева. И сегодня утром этот квартал выглядел так, словно по нему отработала легкая артиллерия.

Весь перекресток был оцеплен желтой лентой. На фасаде института, прямо над центральным входом, зияла огромная трещина — след от того, как кирпичные стены «росли» ночью. Здание просело на полметра, перекосившись на левый бок. Окна первого этажа были выбиты, а из под земли, ломая асфальт, торчали корни старого фундамента, похожие на скрюченные старческие пальцы.

Но самым сюрреалистичным было не это.

Прямо посреди перекрестка, на фоне развернутого полевого штаба МЧС, сверкали софиты телеканала «Россия 24». И в центре этого светопреставления, под большим корпоративным зонтом «ЧУДО-Девелопмент», стоял Геннадий Юдович Чудо.

Он был одет в безупречное бежевое пальто. На шее — шарф из тонкой шерсти. Он улыбался в камеру той самой улыбкой, от которой у бухгалтеров и муниципальных служащих случались приступы неконтролируемого доверия.

— …это абсолютно штатная ситуация, — вещал он бархатным голосом, который разносился из динамиков на столбах. — Мы с вами строим великий город на великой земле. Сибирь — это живой организм. Она дышит, она подвижна. То, что вы видите — это естественная усадка грунтов.

Камера оператора показала асфальт. Прямо у ног Геннадия Юдовича зияла рваная, дымящаяся трещина шириной в полметра. Из неё поднимался легкий сизый дымок и пахло сероводородом.

— Видите? — Чудо элегантно указал на разлом носком дорогого кожаного ботинка. — Это просто выход термальных вод. Мы укрепим основание, зальем это специальным полимером, и здесь будет лучшая парковка в городе. «ЧУДО-Девелопмент» гарантирует безопасность каждого сантиметра.

Рядом с ним стоял Илья — менеджер со стройки. Он был бледен, как полотно, и держал в руках папку с логотипом компании. Его глаза бегали от камеры к трещине и обратно.

Виктория сидела за углом здания, вжавшись в тень. Её пальцы сжимали серебряный перстень. Камень был холодным, но под кожей она чувствовала, как он наливается тяжелой, гневной силой.

— Он что, совсем страх потерял? — прошептал Бурка. Его дисплей был погашен, чтобы не выдавать их местоположение. — Он же стоит на месте, где под землей сейчас спрессованные в брикет «грязевики». Там радиация фонит, как в Чернобыле!

— Хватит, — прошипела Вика.

Она смотрела не на трещину. И не на улыбку Юдовича. Она смотрела на его руки. Геннадий Юдович жестикулировал, объясняя зрителям особенности сибирских глин. В левой руке он держал кожаный портфель. А вот правой…

Правой рукой он небрежно, почти ласково перебирал пальцами какой-то предмет.

Круглый, тяжелый, на массивной цепи.

Вика прищурилась. Расстояние было большим, но зрение, обостренное вчерашней трансформацией, работало иначе. Она видела детали.

Это был медальон. Тяжелая серебряная крышка с точно такой же, как у неё, вязью речных русел.

Но это была только половина.

Крышка была расколота ровно посередине, словно по ней ударили гигантским тесаком. Гладкий, оплавленный срез блестел на утреннем солнце.

У Виктории перехватило дыхание. Она машинально подняла правую руку и коснулась своего перстня. Вязь на печатке и вязь на медальоне Юдовича были зеркальными. Его линии в точности повторяли её узор, но в инверсии.

Он не просто знал о её существовании.

Он ждал её.

— Бурка, — её хрип прозвучал страшнее любого крика. — Он знает.

— Я заметил, — мрачно ответил байк. — Он стоит на руинах, улыбается и держит в руках ключ от твоего сердца. Это либо высший пилотаж цинизма, либо он просто идиот с манией величия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.